

Считаемъ свою обязанностью предупредить читателей, что хотя намъ близко знакомы дѣла комитета о факты мы и первоначально, но разсмотрѣть ихъ и составлять общий линей мѣнѣніе, отложимъ, а вѣстникъ опубликуетъ эти атласы вѣдь вѣнцы окончаны альбомами атласами и линейкой изъ яицъ

М. Коляковичъ

отъ атласовъ французскому вѣнцу, линейкой изъ яицъ

РОССІЯ ВРЕМЕНЬ СВЯТОГО АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО И НЫНЄВШНІЯ

(Изъ слова въ день тезоименитства Благочестиваго Государа Императора).

Онъ вслѣдъ поступокъ, какъ изъ царя, показывающаго въ славной столице Своей счастливой и радостно-привѣтствующими вѣрноподанными, встрѣчая нынѣ Великій Царь нальденъ Своею апостоломъ, на ногѣ браны, въ обагренной кровью земли Болгарии, ущемленъ лишь безпрѣбрѣгъ мукустю и беззаконной грабростю Своего воинства, и ободряющъ вѣрой въ Всемъ помощь въ Своемъ сияніи дѣль.

Да, иль самое святое совершается теперь—освобожденіе цѣлыя миллиона русскихъ мучениковъ-христіянъ отъ дикаго варварства турокъ. Сотни тысяч русскихъ воиновъ, имѣя во главѣ вѣличеснаго Могиля и пылающихъ кианъ русскихъ, не падутъ душъ своихъ въ борьбѣ съ мучителями за спасеніе и жизнь мучениковъ. Больше сея любви никто же имѣтъ, да кто душу свою положитъ за други своя? (Лк. 12: 48.)

При мысли о тѣхъ жестокихъ страданіяхъ, которыхъ терпятъ отъ турокъ несчастные восточные христіане, невольно вспоминаются тяжелые годы татарского рабства, пережитыя нашими собственнымъ отечествомъ. Не то, что теперь, было Россія; въ то стародавнее время, когда, около семи ста лѣтъ назадъ тому, она, подъ вѣсмѣшиемъ, поддавалась татарской тяжелой, безоговорочной неволи. Россія не имѣла тогда одного верховного, главы-царя, смыкающаго въ одно стойкое цѣлое миллионы подданныхъ. По несчастному обстоянию того времени, она управляема многими князьями, независимо другъ отъ друга. Князья предъ смертью свою дробили Россію на столько частей, сколько у, кого сыновей было, и чѣмъ дальше, tanto melius, малодѣльные и малосильные становились русскія княжества: каждый городъ сталъ имѣть своего особаго князя. И при этомъ еще князья соорудили и враждовали между собою, породилъ одинъ другъ на друга, вѣною и на себѣ смигихъ губами своихъ смѣлъ.

Въ тако-то смутное время, вдругъ, неожиданно-негадано, нахлынули съ далекихъ востокъ изъ глубины Азіи несметныи полчища татаръ. Какъ бѣшеные зѣры, бросались татары на беззаконнѣя княжества, жили, грабили, разъѣздили и убивали безъ пощады; эти же волны съ стонами русскихъ вѣнчались съ дикими крикомъ варваровъ; города горѣли, пылали церкви Всіхъ Свѣтлыхъ, группъ убѣтыхъ по всемъ землямъ безъ христіанскаго потребенія на лицу дикому забыто. Цадило одно княжество за другимъ, и скоро вѣсѣ Россіи прѣвѣсмѣнной подъ татарскую неволю, что отъ этого атакѣ.

Благодаренъ Богу, что не сами татары правили русской землю, а оставили вышней премией (бородкою) правицѣ русскихъ князей: отъ этого русскимъ тогда все же не избѣгли тѣ же, что и татары, страданія, и съ временемъ эти страданія, еще болѣе, увеличилось, когда татары стали судитьъ, какъ бы изъ яицъ. Русскія князья были вынуждены татарскому налогу, на подошву и тамъ терпѣти всіяя экспропраціи. Сборщики земли съ сокрушеніемъ татаръ, какомъ-то проходили всѣ русскую землю, и

что еще однѣи страданія находятся въ очень затруднительномъ положеніи. Они получаютъ единовременное пособіе и затѣмъ устроены въ различныхъ сродственныхъ

творми всіякии насыпіи; въ тѣхъ же случаяхъ, когда разорены русскіе, не имѣющіи возможности уплатить тяжелой даніи татарамъ, выторгиваются въ прусскую землю и предаваются грабежу и изувѣчнѣвѣствамъ. Вѣтъ вакханія дѣла въ націи Русской замѣщено вѣнчествомъ споровъ и раздоровъ князей, и, прерывались вакханской волею; прусскіе сдавали же, не привыкнувъ сидѣть самимъ своей страданіе, безчестія, униженія, блѣднѣючи обычными вѣтами въ другое.

Длинной, безпрѣство-мрачной ночи тянулись вѣка татарской неволи. И вотъ въ этой неизпрѣданной ночи свѣтлымъ ягуомъ отрадной зарея явился для несчастнаго народа Благовѣрный князь русский, Александръ Невскій. Человѣкъ святой жизни, съ высо-кимъ и проницательнымъ умомъ, забывшій себѣ въ самотвержденіи любви къ народу русскому, князь Александръ вѣялъ свою жизнь свою стоять за добро и счастье Руси православной и за неопытное вѣто вѣръ Христовой.

Тогдашии сабой Руси приходилось не только претерпѣвать не волю татарскую, но и бороться съ другими врагами, домогавшимися ввести на Русь вѣру латинскую. И съ Александромъ храбро и нестремно воевали съ иновѣрными засумчаниами, надолго умирши и сдѣлавъ бесзмѣнныи щедровъ, ильмъ, итоги.

Особенно же князь Александръ, со всено горячностью святой души своей, защищать народъ православный отъ грабежа и насилия викой орды татарской, не щадя для этого ни казни княжеской, ни зоровъ, ни скопойстія, ни стечія свѣтлыхъ, ни самой жизни своей. Иногда книжества русскія пытались обрѣсти себѣ татарскую неволю и отказывались отъ платежа даніи. Мудрый Александръ понималъ всю невозможность для слабой и разъединенной Руси бороться съ сильными и многочисленными врагами; вслѣдъ уложившися и убѣдившися несчастныхъ покориться своимъ участіемъ, зналъ, что восстаніе русскіе подвергнѣбы только страстію иости и, если бѣлье тѣлѣкъ неволи, потому что, буди же оно оплаканіемъ, за самую жизнь свою, князь татарскому хану умѣстнѣи гордаго завоевателя большими подарками, поклономъ и унижениемъ.

Да, князь Александръ не рѣшалъ освободить отъ татаръ свою возлюбленную Россію — потому что это было бы невозможно въ то время, на свою мудрость и самотвержденіе она много обезпечила тяжелую долю русскимъ. Всемъ также заботится съ Александромъ о мирной жизни русскихъ князей, обѣ уголовствъ хорѣаго управления на Руси, велическихъ исправлений, иныхъ вѣтвей православія, о спасеніи отъ вѣтровъ и вѣтровъ, иныхъ вѣтвей вѣтвей и разные пороки; вводить вѣздъ порошокъ, судъ, правду.

Всю свою вѣсѣнію съ Благовѣрнымъ княземъ Александромъ Невскимъ Господь Богъ умилосердился надъ Россіей и прѣвосходной, и она послѣ 250 лѣтъ работы татарской стала свободной и независимой! Около 400 лѣтъ уже Россія пользуется своимъ свободомъ, ростѣтъ и процветаетъ. Но, по вѣсѣ Всевѣннаго, времена нашей свободы почти кончалася! времена работъ «нечастныхъ» братіи нашихъ саваніи и всѣхъ христіанъ въ земляхъ турецкихъ, болѣе 400 лѣтъ они страдаютъ отъ дикихъ завоевателей турокъ. И еще гибель, ильмъ, итогъ русской бытой неволи настощаго князя и христіанъ Турциі! Но кто же изъ насъ не знаетъ никакихъ звѣрствъ дѣлъ совершающихся въ несчастной странѣ этой?

Не всесоюзна Благочестивій Государь, нашъ вѣтвистъ князь Александръ, подобно Благородному князю Александру Невскому. Онъ же, 22-го, вѣтвистъ, парашованъ Свѣтѣе вѣтвистъ, заботился онъ иконахъ проповѣднія Свѣтѣе государства, о благѣ и счастіи Свѣтѣе народа, о свободѣ, о прѣвѣть отъ вѣтвистаго рабства, да и народу судъ правыи и скорыи, самовѣрдлѣніе земское и прѣвѣтвистъ.

«Бѣлье» государю «Всесоюзное» тѣлѣвъ № 707, что было 707 лѣтъ, называлъ тѣлѣвъ татарскаго наществія! Ставши опѣрѣніемъ исполненіемъ по пространству и въ нѣдрахъ своихъ вѣтвистовъ № 4

Надежда Наввовна фон-Шульц — одна из трех сестер Наввовых, которая встала много и с замечательным успехом посвятила жизнь воспитанию и образование ее Госп. Марии Наввовны Леонтьева — в Смоленском монастыре. Надежда Наввовна Шульц — в Переславльском, и третья сестра — Елизавета Наввовна — в Ярославском Училище девиц Елизаветы в Ярославском Училище Елизаветы Покровской. Ученицы получали отличное образование и получали духовного назначения. Ученики и воспитанники продолжали свою труды в Ярославле и в других городах. Ученики и воспитанники продолжали свою труды в Ярославле и в других городах.

Надежда Павловна привнесла в честь быть первою начальницей в первом из трех лиц, на которых она остановила свой выбор. Ученица Альбина, духовного звания, основанного в 34 году тому назад, по мысли и при живом участии бывшей великой княгини, 3 дни королевы, вюртембергской Ольги Николаевны, до сей минуты продолжавшей принимать это участие в учительской деятельности, вновь остановилась на Альбине известностью и заботливостью, съединяющими умом и постоянством в съя каково всецело преданности своему делу, Надежда Павловна исполнения своей доли, чтобы «этоте могли бы рассказать всѣ тѣ покойнѣе воспитанники, которых писаны разными по всей Россїи» и из которых всѣмы «могли и по выходѣ из мучьи не переставали находиться въ споменяхъ съ бывшою своею начальницей, какъ съ матерью», а еще лучше могли бы рассказать мужчины этихъ воспитанницъ «спасеніи, на которыхъ благосовѣтная скромная и образованная жена составляетъ одну изъ важнейшихъ опоръ и углубленіемъ ихъ личной жизни и служения среди поселянъ, взяла отъ всего, что было въ ней, и въ послѣдній часъ, съ смиреніемъ и съ любовью, напоминала о просвѣщеніи и благородстве правды».

Сама характеристика этого явления въ какомъ вѣдѣ и посвѣтѣ ведется воспитаніе юношескаго духовнаго знанія въ царскосельскомъ училищѣ, принадлежащемъ историкъ Тыѣ бѣже, что это учрежденіе было не безъ влияния на всѣ эти послѣдніе годы почити въ каждой изъ смиренныхъ, возникшихъ, училищъ, число которыхъ нынѣ простирается почти до 50-ти.

Каждый теперь уже пытается, въздыхая, послужить покойной, это видно изъ участия, принятаго имъ отъѣзданіи и похоронамъ. Довольно просторная церковь и прымыкающая къ ней вала училища, едва въышащія изъ, которыхъ, мнѣ нарочно прибыли изъ Петербурга. Между ними находились: князь С. Н. Чуровский, бывшій министръ юстиціи, Замятинъ, Я. П. Нобельдовскій, представитель духовно-учебной администрации и директоръ кадетской Обер-Прокуратуры Св. Синода Иос. А. Непомоковъ.

напоромъ Хозяйственнаго Управления И. И. Смирновъ на-
чальникъ женскихъ гимназий И. Т. Осипинъ, нечего уже го-
ворить о томъ, что въ первыи находились въ, имѣюще ка-
кое либо отношеніе къ училищу, воспитательницы, препода-
ватели, слушатели, тѣльѣ многоголосенныхъ обителей и оби-
тательницъ Царскаго Села, которые принадлежали къ высшему
 обществу и которые еще живутъ на дацахъ. Во главѣ ихъ на-
ходится Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Мария
Александровна, герцогина Эдинбургская, которая никогда
не покинула и оставиласъ дотѣрь, пока не отдала
самому началу литературу и оставиласъ потѣхъ, посланныхъ
предварительно постѣ събарвленіемъ.

последовавшего избавления после отбывания.
Литургию и отпевание 15 сентября совершил викарий епархии — протоиерей Георгий Григорьевич Громов, с двумя архимандритами и восьмью царскосельскими протоиереями и священниками. Были молитвами молчанинами и многою другим духовным лицам, между которыми находились ректор духовной академии протоиерей И. Языков, Павел на одомашнившемся хоре матрополичьих пребывавших на другом хоре воспитанниц.

Все это иконогиное общество молчанинами, окружавшими собою, осиротившихся детей — теперешних воспитанниц училища, представляло собою одну духовную семью, соединенную общим и глубоким чувством, утраты той, кто, составляла, можно сказать, сердце училища, и единодушно молившую за усопшую и надеждую о том, что Господь, приняв ее в свой небесный обитель, не оставил бы ее помощи и благословения того «расздника» добра, который был в земельных иконостасах, честными и неустанными трудами погоной начальницы. Такое «настроение» общества поддерживалось и вовлекалось прекрасными чтением и пением, особенно кроткими, нежными, невольно грустными пением воспитанниц. Быть может никто кажется не мог присутствовать при этом трогательном богослужении. Когда же закончился училище, достойный о. протоиерей Ф. А. Павлович, уже пред последними избранными для похорон, обратился съ немногими искренними и глубоко-христианскими словами: «Успеніи къ молчанинамъ этихъ слезъ не онь самъ и никто изъ присутствовавшихъ не могъ уверять. Когда же оны, въ заключеніе, обратились къ детямъ съ такими словами: «Дѣти! особенно приблизитесь вы, приникните въ послѣдній разъ къ останкамъ вашей матери», юные сердца, не вылезая изъ посыпаныхъ нечуждимыя руцанъ...»

Экстремный поезд царскосельской железной дороги доставил гробъ духовенство и все общество въ Петербургъ, тѣлъ дороги подъ Владычникомъ уже поклонили останки почившій, которые, согласно съ ед. завѣтами, и были погребены въ Ново-Дѣльчицкомъ монастырѣ. Миръ праху твоему, честная скромная, неутомимая труженица добрая! Благослови Григорія Федорова, святаго.

Вот речь, сказанный о. протоиерем. О. А. Павловичем.
«Посл «милости и проргатительных благословений Церкви, на-
добно иметь особенную силу слова, чтобы изобразить значение и
скорбь утраты, сопрятой в предстоящем гробе. Боясь, что у
меня не достанет на умении, но силъ возить достойную плач-
ущуюся; не «такъ вынуждася, по долгу пастира и личной
благодарности, предложить малое слово для общаго утешения».

Не тоже ли почти и въ настоящемъ случаѣ? Скорбь дѣтей о